

то в этой маленькой зал? Мнѣ кажется, что лучше всего — дать Вамъ понятие о томъ, что здѣсь происходило, проса Васъ присутствовать при одномъ изъ нашихъ очередныхъ засѣданій и посмотреть на нашихъ академиковъ при ихъ работѣ. Бразильскій императоръ неоднократно принималъ участіе въ нашихъ филологическихъ преніяхъ, такъ же какъ и Великій Князь Константинъ. Это даетъ намъ надежду, что и Ваши Величества не будутъ слишкомъ жалѣть, если соблаговолите посвятить намъ нѣсколько минутъ, дѣву юныхъ мнѣ чувствуемъ.

«Да позволено мнѣ будетъ сказать, что этотъ знакъ симпатіи выражается не только въ академіи, но и въ нашему национальному языку, который, впрочемъ, и для Васъ не чужестранный, и здѣсь чувствуется желаніе вступить въ болѣе интимное общеніе съ французскимъ духомъ и вкусомъ. Такое благоволеніе придаетъ намъ смѣлость вспомнить о Вамъ бессмертному предѣлу. Его посѣщеніе мы сопоставляемъ съ Вашимъ и, поименно благодарностью, осмѣливаемся обратиться къ Вамъ Величествамъ съ просьбой: дозволите намъ въ этотъ день заранѣе отпраздновать 200-лѣтнюю годовщину сердечной дружбы Россіи и Франціи».

Франсуа Коппе прочелъ стихотвореніе, которое приводимъ въ переводѣ «Новостей».

Въ этомъ тихомъ убійствѣ, гдѣ культъ литературы
Былъ намъ въ сохраненіи переданъ старыми мастерами,
Подобно факелу античнаго скорняка,
У этого очага, въ этой скорнячьи-снѣ-
Привѣтъ молодой и прекрасной Государыни
Привѣтъ благородному Императору!

Ваше дорогое присутствіе приветствуется повсюду
Внушительнымъ голосомъ народа и арміи,
Возвѣвающихъ глубокими и торжественными чувствами
И Вы видите, какъ на счастливой и почти-
теплой топлѣ
Тренутъ въ братскихъ складкахъ.

Всѣ пожеланія французской Государыни, на-
правленныя къ Государю, на-
правлены къ Августѣйшему Сыну великодушнаго
Царя, Александру Серафимовичу;
Ибо въ Васъ живетъ Его мирный духъ,
Вы, Государыня, Вы слышите, какъ на-
тер, теръ,
Въ группѣхъ, оцарапанныхъ Вашими члѣ-
нами и искренними чувствами,
Благословляютъ Васъ и Ваши Дѣти.

Здѣсь слышатъ шумъ, которымъ омыли-
ся народъ;
Мы можемъ только представить Вамъ
Хранящую сокровища языкъ предковъ;
Но и у насъ Васъ охотѣ привѣтствовать,
Франція,

И Вы прочтете слово «дружба» на листѣхъ,
Который она подноситъ къ Вашему раз-
судку.

Затѣмъ мы вызовемъ къ памяти нашу ми-
нута славы,
Нашихъ знаменитѣйшихъ предшественниковъ,
Корнея, Боссоета, столько другихъ пре-
красныхъ именъ,
Гордая тѣмъ, что наши чудныя воспоми-
нанія

Почтены Вами, Государь, подобно тому,
какъ у Ильядовъ,
Вы привѣтствуете наши старыя знамена.

Наконечъ, къ сожалѣнію, время идетъ
такъ быстро —
Мы возвратимъ Васъ, Государь, къ топлѣ,
Великому Парижу, отдающему Вамъ, на-
шихъ кликахъ свою душу,
Но и мы поощаемъ за Вами на это пла-
менное торжество,
Гдѣ, какъ сказано, охотѣ привѣтствовать,
Васъ въ триумфъ носить въ сердца.

Послѣніе Оперы.

Главное стеченіе народа сосредото-
чилось по пути съѣзжанія Ихъ
Императорскихъ Величествъ въ и зда-
лія Оперы, куда приглашеніе на-
чалъ съѣзжаться уже съ 9 часовъ, а
въ 10 часовъ зрительная зала была
уже переполнена. Первые ряды кре-
селъ были заняты генералами, пол-
ными адмиралами и контръ-адмирала-
ми въ полной парадной формѣ и при
всѣхъ орденахъ. Далѣе слѣдова-
ли прочія высокія должностныя лица
и академики, кавалеры и кавалеры,
привлекшіе на себя вниманіе своими
блестящими бородками и своими смуглы-
ми красивыми лицами. Всѣ амфи-
театры были предоставлены дамамъ
въ самыхъ роскошныхъ свѣтлыхъ
туалетахъ. Ложи всѣхъ ярусовъ то-
же были заняты, самими высокими
и самыми знатными дамами, обремененныя
руки и плечи которыхъ украшали брил-
лянтами и другими драгоценными
нашими.

Президентская ложа на три метра
выдвинулась въ амфиатр, ору-
женная роскошною гарляндіей розъ,
хризантемъ, сиреней, убранныя лентами
серебра, по угламъ красовались дѣл
великолепныя короны самыхъ рѣд-
кихъ цвѣтовъ и растений.

Въ 10 часовъ 15 минутъ всѣ поды-
нялись и съ волненіемъ обратились
къ дверямъ, въ которыя долженъ
былъ войти Царь. Въ полонѣхъ оди-
наждыго провоза лодная тревога,
такъ какъ отворились двери прези-
дентской ложи, но оказалось, что это
лишь вошла привратница ложи, что-
бы посылать на рашу ложъ роскош-
но паравозная программа спектакля,
предназначенная для Ихъ Ве-
личествъ.

Наконечъ, въ 10 ч. 40 м. при-
шли Царь, Царица и Г. Феликсъ Форъ,
супруга и дочь котораго приехали за
нѣсколько минутъ до прибытія Высо-
чайшихъ Гостей. Какъ только пре-
зидентъ республики подѣлалъ руку съ
Императоромъ и рядомъ съ Импера-
трисой ступилъ на первую ступень
парадной лѣстницы, оркестръ Марти,
помѣщенный во второмъ этажѣ, за-
игралъ маршъ «Gloire au Rimpini», и
въ медленномъ темпѣ поднимались по
широкимъ мраморнымъ ступенямъ
лѣстницы, окруженной со всѣхъ сто-
ронъ массой нарядныхъ дамъ и му-
жчинъ, которые выжили впередъ,
едва только показавшись Государю, и
въ груди всѣхъ собравшихся вы-
рвался единодушный восторженный
долго неслыханный возгласъ: «да

здравствуетъ Императоръ!» — возгласъ,
звучавшій звукомъ оркестра и доносе-
мійся до самой сцены.

Затѣмъ всѣ посѣдѣли въ зри-
тельную залу и, когда Ихъ Величе-
ства вошли въ ложу, вся публика
уже снова находилась по мѣстамъ.
По установленнымъ правиламъ, въ
зрительской залѣ никакихъ возгласовъ
не допускается, но на сей разъ всѣ
правила были забыты и при появле-
ніи Николая II въ залу, какъ одинъ
человѣкъ, приветствовали его дру-
жными кликомъ: «да здравствуетъ
Императоръ!» и нѣсколько минутъ
восторженными рукоплесканіями вы-
ражали любовь своего восторга. Ор-
кестръ, гмѣтъ, исполнилъ русскій
гимнъ. Огнѣвъ нѣсколькоимъ покло-
нами на восторженныхъ привѣт-
ствіяхъ собравшихся, Царственная Че-
та заняла приготовленную Ей кресла.

Государь сѣлъ по правую руку, а
Государыня по лѣвую руку прези-
дента республики; г-жа Феликсъ Форъ
сѣла по правую руку Государя. Его
Величество былъ въ красномъ ка-
закемъ мундирѣ съ лентою Почетна-
го Легіона черезъ плечо; на Госу-
даринѣ было сѣмь-голубое атласное
платье, на шеѣ знаменитое брилліан-
товое ожерелье Екатерины II, въ во-
лосахъ великолѣпная брилліантовая
диадема.

Порядокъ спектакля уже подробно
передать телеграфомъ, такъ что мы
на этомъ останавливаться не будемъ,
только скажемъ, какъ и на представле-
ніи Его Величеству девять араб-
скихъ красавицъ шейховъ, но мы не
можемъ не сказать еще нѣсколькихъ
словъ о появленіи Государя Импера-
тора на балконѣ зданія Оперы.

Появленіе это было неожидан-
ностью и тѣмъ болѣе впечатлѣніе
произвело на всѣ собравшіяся во-
кругъ театра толпы народа. Необыч-
ный энтузіазмъ не поддается никакому
описанію. Это былъ такой взрывъ
неожиданнаго восторга, что, казалось,
земля дрожала отъ радостнаго клика
народа, не знавшаго, какъ выразить
свой энтузіазмъ своему Высочайшему
Гостю.

Тѣмъ же восторженными возгласа-
ми, словно раскатами грома, про-
возжалъ народъ Царственную Чету при
Ее обитіи въ театр и по всему
пути до самаго русскаго посольства.

Чудный ночной праздникъ завершилъ
своими звуками, отличавшимися
такою искреннею задумчивостью, та-
кимъ энтузіазмомъ, какихъ нѣтъ не
запомнить въ Парижѣ.

Государь Императоръ, ни разу не
адаптировавшись во весь вечеръ,
пожелалъ выразить г. Гальяру Свою
удовольствіе по поводу представле-
нія.

Обоимъ директорамъ театра гг.
Вертрамъ и Гальяру Его Величество
показавъ брилліантовое знамя орде-
на Св. Анны.

Юрій Николаевичъ Говоруха Отрокъ *

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ
того, какъ я познакоился съ Юріемъ
Николаевичемъ (какъ мнѣ помнится,
весною 1874 г.), онъ уѣхалъ въ Пе-
тербургъ, въ надеждѣ найти работу
при какомъ нибудь журналѣ и осу-
ществить свою любимую мечту — по-
святить себя литературѣ. Не успѣвъ
Юрію Николаевичу, приѣхавъ въ Пе-
тербургъ, хорошо ознакомиться съ
нимъ, какъ былъ арестованъ и поса-
женъ въ Петропавловскую крѣпость. Это
произошло совершенно неожиданно
и для него, и для его жены, ибо
онъ не придавалъ никакого значенія
своимъ сношеніямъ съ товари-
щами — революционерами и своихъ
разговорахъ на сходахъ, о которыхъ
онъ успѣлъ познать. Заточеніе Юрія
Николаевича продолжалось три года;
онъ не разъ упоминалъ о немъ нѣкогда
въ «Южномъ Краѣ» и посвятилъ ему
дѣльную статью «Турция и крѣпость»,
напечатанную въ «Русскомъ Обзорѣ»
(1894 г., январь). Эта статья
подписана тремя инициалами и по-
сѣтъ названіе «перваго отрывка», изъ
посмертныхъ записокъ поддѣланныхъ
арестанта. Второго и дальнѣйшаго
отрывка не послѣдовало, о чемъ
нельзя не пожалѣть, ибо «Турция и
крѣпость» — прекрасное написаніе
оркестръ, представляющій не только
автобиографическій, но также художе-
ственный и психологическій интересъ,
— интересъ мемуаровъ, которые раз-
скажутъ весьма многое будущему
историку нашего революціоннаго бро-
женія семидесятыхъ годовъ. Когда
написанный оркестръ появился въ печати,
лишь весьма немногіе знали, кому онъ
принадлежитъ, масса же публики при-
няла его за беллетристическій или
полубеллетристическій набросокъ. О-
статокъ его, въ «Турции и крѣпости» и
приведенъ въ воспоминаній Юрія
Николаевича все болѣе существенное.

«Все мое политическое преступленіе,
говоритъ онъ: состояло въ сту-
пени въ болтовнѣ на разныя рево-
люціонныя темы — въ холу между мо-
лодежью. Въ то время, въ двадцать
лѣтъ, я былъ впечатлительнѣе, нерве-
ннѣе, чѣмъ теперь, но за то гордо
выносилъ какъ физическія, такъ и
нравственныя. Нравственной выносли-
вости, конечно, способствовало нѣко-
торое легкомысліе, беззаботность, свой-
ственная тогдашнимъ моимъ годамъ,
выражающаяся у русскаго человѣка
власическимъ восклицаніемъ «а, на-
плевать!»

Юрія Николаевича арестовали въ
девять часовъ вечера и повели сна-
чала въ Александровскую часть.

«Приставъ, человѣкъ очень любез-
ный и добродушный, узнавъ, что я
«политическій», наложилъ меня чѣмъ-
то въ тюрьму, въ крѣпость».

«См. «Южный Край» № 5408.

у себя въ квартирѣ, сперва было хо-
тѣть, чтобы я тутъ же переночевалъ,
но потомъ побоялся. «Нечего дѣлать»,
сказалъ онъ, «ужь въ крѣпость, за-
прещено въ нее въходить».

«Это добрый человѣкъ, о которомъ
я всегда съ удовольствіемъ вспоми-
наю, очень много, и совершенно спо-
кобный, извинился передо мною
въ томъ, что долженъ запретить мою
въ дворянскую» Чета нигдѣ, кроме
Россіи, невозможна».

«Дворянская» оказалась переполнен-
ной и потому Юрія Николаевича при-
шлось запереть въ камеру, предназначен-
ную для арестуемыхъ дѣтей: «общей»
его извѣстно мотометное дворянство.
Изъ той же камеры Юрія Николаевича
на разсвѣтѣ увидѣлъ сцену, которая
неизгладимо запечатлѣлась въ его на-
мнѣ. Онъ услышалъ заунывное пѣ-
ніе изъ коридора и сперва не могъ
понять, что это значитъ.

«Подойдя къ дверному окошечку,
я увидѣлъ въ коридорѣ небольшую
группу арестантовъ, стоявшихъ на
высшемъ въ углу иконой. Они
соборались на утреннюю молитву и ти-
хо, довольно стройно, пѣли «Гос-
поша».

«Я, тогда довольно равнодушно от-
носившійся къ религіи, хотя не ли-
шенный, если не религіознаго, то
эстетическаго чувства, нѣволью пере-
крестился. И дѣйствительно, никакое
торжественное служеніе не произво-
дило на меня такого страннаго, полу-
мистическаго, полу-художественнаго
впечатлѣнія, какъ это тихое и строй-
ное пѣніе арестантовъ, въ этомъ по-
лу-темномъ, освѣщенномъ ночниками
да лампадой предъ иконой мрачнымъ
и промозглымъ коридорѣ тюрьмы. Тутъ
было что-то, напоминавшее катаномъ-
къ, куда тайкомъ приходили рабы и
отверженцы общества, чтобы при-
насть къ Кресту Ею, принимающему
«зракъ раба», Распятаго за насъ».

«Моя камера приходилась послѣд-
ней въ коридорѣ, въ углу, такъ что
изъ окошечка мнѣ была видна вся
группа арестантовъ и икона, съ боль-
шой лампадой передъ нею».

«Арестанты кончили пѣть и нача-
ли тихо и молча расходиться. Остал-
ся лишь одинъ изъ насъ, сѣдой, су-
хощавый и высокій; такихъ стариковъ
часто можно видѣть между нищими,
между странниками. Онъ все стоялъ,
крестился и что-то бормоталъ, сперва
тихо, потомъ громче и громче, — и
вдругъ, съ какимъ-то захлебывающимъ
плачемъ рухнулъ на землю».

«Осподи, Осподи, Осподи!» повто-
рилъ онъ съ тѣмъ же захлебываю-
щимся плачемъ, то поднимаясь, то
снова глумясь на полъ... Впечатлѣ-
ніе было столь сильно и столь
для меня неожиданно, что надолго
запомнилось, и я и теперь, незаметно
для меня самого, тайно почитаю на
всю мою жизнь».

Приведенный отрывокъ даетъ поня-
тіе о чуткой восприимчивости Юрія
Николаевича ко всякому благому влія-
нію и служитъ доказательствомъ, что
онъ никогда не былъ жглицемъ
sang и революціонеромъ базарно-
скаго пошиба.

Изъ Александровской части Юрія
Николаевича повели въ Третью Отдѣ-
леніе. На первомъ же допросѣ, какой
то старенькій генералъ странно рас-
спытался и сталъ корить Юрія Ни-
колаевича, тѣмъ, что онъ дворянинъ,
а «бунтуетъ». Когда Юрія Николае-
вича сѣдѣлъ какое-то пропущенное
замѣчаніе по поводу слова «бунтуетъ»,
генералъ съ пафосомъ объяснилъ, что
власіемъ все извѣстно и тутъ же ве-
лѣлъ позвать Юрія Николаевича въ
дѣла. Изъ «дѣла» Юрія Николаевича
скоро убѣдился, что генералъ былъ
правъ.

«Я началъ читать. Это былъ об-
ширный и подробный доносъ на меня
и на нѣкоторыхъ моихъ товарищѣхъ,
которые, какъ я тутъ же узналъ отъ
старенькаго генерала, были арестова-
ны съ мѣсяца назадъ, а я до сихъ
поръ избѣгъ той же участи потому,
что меня «разыскали». Въ доносѣ
изображалось не только мои и всѣхъ
моихъ товарищѣхъ «дѣянія», заключав-
шіяся, впрочемъ, преимущественно въ
разговорахъ на революціонныя темы,
но даже разсказывалось то, чего ни-
когда не было и чего никогда не
говорилось».

«Когда я дочиталъ до конца,
у меня въ головѣ появилось нѣвольное
восклицаніе: «Фу, какой мерзавецъ!» — на
что, къ моему удивленію, старенькій
генералъ, въ удовольствіе котораго
доносился былъ не дворянинъ, то-
чѣе же разражались всослѣдствіи:
«И по дѣломъ вамъ! Не связывайтесь
со всякою сволочей! Не дворянское
дѣло!»

Въ тюрьмѣ Третьяго Отдѣленія
Юрія Николаевича пробылъ три не-
дѣли.

Лежа на кровати въ своей камерѣ
онъ все это время поглощалъ одну
книжку за другой, такъ какъ отказа
въ книгѣхъ со стороны жандармарскаго
начальства не было. Въ Третьемъ От-
дѣленіи Юрія Николаевича прочелъ,
между прочимъ, журналъ «Заря» въ
тотъ годъ, когда въ немъ печаталось
возстаніе Данилевскаго «Россія и
Варона».

«Тутъ, говоритъ онъ, я впервые
познакомился съ произведеніемъ этого
писателя г. слѣдовательно, съ тѣмъ
направленіемъ, которое приняло на-
званіе славянофильства».

Изъ Третьяго Отдѣленія Юрія Ни-
колаевича былъ перевезенъ, въ со-
провожденіи старшаго жандармарскаго
въ казематѣхъ оупеніемъ шторами въ
Петропавловскую крѣпость, въ кото-
рой онъ просидѣлъ въ строгихъ оди-
ноточныхъ заключеніи вплоть до окон-
чанія жандармарскаго дознанія, ровно
годъ. Вспоминанія этого тяжелый годъ

и свой переводъ въ крѣпость, Юрія
Николаевича писавъ:

«Наконечъ, мы приѣхали. Стари-
чекъ сѣдѣлъ меня подѣлалъ респектъ,
и меня повели «представиться» коман-
данту. Командантомъ тогда былъ древній
старикъ-генералъ, кажется, еще вѣт-
рѣе двѣдцатилѣтняго года. Онъ говорилъ
такими слабыми голосомъ, что его ед-
ва можно было слышать. Онъ спро-
силъ мою фамилію, званіе, гдѣ я роди-
вался. Оупуская меня, онъ ска-
залъ: «Если чего пожелаете, пере-
дайте мнѣ черезъ смотрителя. Все,
что можно, будетъ сдѣлано». Потомъ
меня отвели въ какую-то комнату и
попросили раздѣться. Это было ужас-
но стыдно и неловко: надо было раз-
дѣться совсѣмъ и надѣть нагое
бѣлье и платье. Бѣлье было обыкно-
венное, «средней руки», и такой же
«средней руки» халатъ. Потомъ ме-
ня повели и заперли въ камеру. Та-
желая, окованная желѣзными двер-
ми, замокъ, съ сильными и
глухими звонкомъ повернулся два ра-
за... И тутъ, въ первый разъ послѣ
ареста, мнѣ показавшись, будто надо
мною захлопнулись гробовыя крышки...
Камера была просторная и, какъ я
потомъ убѣдился, прекрасно устраи-
вая въ гигиеническомъ отношеніи: су-
хая и теплая; по виду она напо-
минала склепъ, съ сводчатыми стѣна-
ми, съ высокою, въ потолку почти по-
дымнымъ рѣшетчатымъ окномъ. Тутъ
была желѣзная кровать, столъ и та-
буретка. Въ двери маленькое стеклян-
ное окошко, куда, время отъ време-
ни, заглядывать кто нибудь; ниже въ
той же двери четырехугольное окошко,
запертое на замокъ, куда подавали
обѣду, чай. На столѣхъ и зашпиги-
рованную кувалду въ черномъ пере-
дѣлѣ — это было Евангеліе. Корнѣи
въ крѣпости и содержалъ хорошо да-
вали три раза, утромъ и вечеромъ
съ хлѣбомъ, хорошей обѣды въ
трехъ блюдъ. Такъ кормили только
достойные студенты, бѣдные — хуже.
Въ правдѣхъ лица еще худшали, а
на Рождество и на Свѣтлый правдѣхъ
никъ — и очень. На Свѣтлый правдѣхъ
— давали кулѣхъ, красненькаго ай-
да, ветчину и т. п. Давали даже ка-
зеннаго пива. Кроме того, тѣ изъ
арестантовъ, у кого были свои де-
нежки, могли покупать для себя что
угодно черезъ смотрителя: табакъ, ви-
но, сѣдобное, сласти, даже сигары,
съ разрѣшенія доктора, въ которомъ,
впрочемъ, никому не отказывалось.
Только заключеніе было уже вполне
и абсолютно одиночное. Хорошо дис-
циплинированная прислуга изъ сол-
датъ, приходившая утромъ убирать
камеру, не поддавалась ни на какіе
разговоры. Иногда съ досады натѣпъ
его ругать, а онъ сѣбѣ мететъ и мол-
читъ, будто глухой. Это было очень
тяжело».

Одиночное заключеніе вредно отоз-
валось на здоровья Юрія Николае-
вича. Онъ говорилъ о немъ, какъ о
самомъ трудномъ времени его жизни.
Въ крѣпости онъ не разъ доходилъ
до отчаянія и въ значительной степе-
ни приписывалъ именно ей расстрой-
ство своей нервной системы. Един-
ственнымъ утѣшеніемъ его въ крѣпости
было Евангеліе. Кроме Евангелія онъ
ничего не читалъ и не могъ читать до
переселенія въ домъ предварительнаго
заключенія, куда его перевели тогда на-
чалось предварительное слѣдствіе и ко-
гда объяснялось по Жангарскому дѣлу
перешелъ изъ рукъ жандармарскаго пра-
вѣленія въ руки прокурорскаго являю-
ра. Въ домъ предварительнаго за-
ключенія Юрія Николаевича проси-
дѣлъ два года. Н. Черняевъ.

ОБОЗРѢНІЕ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

«Многія парижскія газеты сооб-
щаютъ о слѣдующемъ извѣстіи:
Когда Императоръ въ послѣдній разъ
изъ Лувра, слѣдовавъ по подлону Св. Са-
говея, провозмѣстъ индѣентъ, который
судитъ новымъ доказательствомъ чувствъ
Русскаго Императора».

Знаменитѣйшее имя памяти Гамбетты.
Императоръ обратился къ президенту ре-
спублики, сѣдѣвшему на престо-
лѣ, для того, вѣроятно, чтобы освѣдомить-
ся о томъ, что случилось въ Парижѣ. Онъ
тихъ въ вопросъ, и тотчасъ Государь отда-
лъ сѣдѣть памятникъ.

Народъ это понималъ и климъ: «да, за-
прещено» — возмущеніе изъ новымъ
извѣстіемъ».

«Продолжаемъ выдержки изъ
интересныхъ воспоминаній О. А. Ож-
го бѣлѣхъ Наслѣдника Царевича
Николая Александровича, печатаю-
щихся въ «Русск. Архивѣ».

По возвращеніи моемъ въ Ницу, я заста-
лъ тамъ въ 25-хъ дней отсутствія не прозвон-
ивъ, что Жюль Вернъ, и я, и нѣкоторые
нашѣхъ не ушли. Я засталъ его уже
въ Villa Belmont, потому что шумъ волнъ
на берегу моря лишилъ его сна. На другой
день Его Высочество отправился на ежене-
дельную прогулку въ Ницу, и я, конечно,
сталъ разспрашивать о томъ, что дѣлается въ
Петербургѣ, и что дѣлается его братья. Ме-
жду прочимъ, я въ полную открытость раз-
сказывалъ, что въ Ницѣ, въ домѣ, гдѣ
братъ Саша и не боюсь: это дѣла чистая и
прозрачная какъ кристаллъ. До какой степе-
ни обидна эта была вѣрна и оправданная
и нѣтъ, знаетъ весь народъ русскій.

Возвратился я въ Ницу въ субботу на
Страстную очень рано, въ шестомъ часу у-
тра, и тотчасъ, переодѣвшись, явился къ гр.
Царевичу. Онъ, конечно, не могъ не поспѣ-
шить къ Царевичу, ожидаямъ съ него
пѣніемъ моего возмущенія. При этомъ графъ
сказалъ, что головной боли и тошноты умень-
шились и явился лѣтъ надежды. Я засталъ
его въ туалетѣ. Онъ, конечно, не могъ
преслѣхъ, лицомъ къ сѣбѣ. «А, маленький
Богородъ Адольфовичъ (такъ называлъ онъ
меня иногда шуточно, при чемъ обыкновенно
обнималъ одну руку, и, пожимая, на-
сколько онъ былъ имъ, меня ростою),
возвратился я въ Ницу въ субботу на
Страстную очень рано, въ шестомъ часу у-
тра, и тотчасъ, переодѣвшись, явился къ гр.
Царевичу. Онъ, конечно, не могъ не поспѣ-
шить къ Царевичу, ожидаямъ съ него
пѣніемъ моего возмущенія. При этомъ графъ
сказалъ, что головной боли и тошноты умень-
шились и явился лѣтъ надежды. Я засталъ
его въ туалетѣ. Онъ, конечно, не могъ
преслѣхъ, лицомъ къ сѣбѣ. «А, маленький
Богородъ Адольфовичъ (такъ называлъ онъ
меня иногда шуточно, при чемъ обыкновенно
обнималъ одну руку, и, пожимая, на-
сколько онъ былъ имъ, меня ростою),
возвратился я въ Ницу въ субботу на
Страстную очень рано, въ шестомъ часу у-
тра, и тотчасъ, переодѣвшись, явился къ гр.
Царевичу. Онъ, конечно, не могъ не поспѣ-
шить къ Царевичу, ожидаямъ съ него
пѣніемъ моего возмущенія. При этомъ графъ
сказалъ, что головной боли и тошноты умень-
шились и явился лѣтъ надежды. Я засталъ
его въ туалетѣ. Онъ, конечно, не могъ
преслѣхъ, лицомъ къ сѣбѣ. «А, маленький
Богородъ Адольфовичъ (такъ называлъ онъ
меня иногда шуточно, при чемъ обыкновенно
обнималъ одну руку, и, пожимая, на-
сколько онъ былъ имъ, меня ростою),
возвратился я въ Ницу въ субботу на
Страстную очень рано, въ шестомъ часу у-
тра, и тотчасъ, переодѣвшись, явился къ гр.
Царевичу. Онъ, конечно, не могъ не поспѣ-
шить къ Царевичу, ожидаямъ съ него
пѣніемъ моего возмущенія. При этомъ графъ
сказалъ, что головной боли и тошноты умень-
шились и явился лѣтъ надежды. Я засталъ
его въ туалетѣ. Онъ, конечно, не могъ
преслѣхъ, лицомъ къ сѣбѣ. «А, маленький
Богородъ Адольфовичъ (такъ называлъ онъ
меня иногда шуточно, при чемъ обыкновенно
обнималъ одну руку, и, пожимая, на-
сколько онъ былъ имъ, меня ростою),
возвратился я въ Ницу въ субботу на
Страстную очень рано, въ шестомъ часу у-
тра, и тотчасъ, переодѣвшись, явился къ гр.
Царевичу. Онъ, конечно, не могъ не поспѣ-
шить къ Царевичу, ожидаямъ съ него
пѣніемъ моего возмущенія. При этомъ графъ
сказалъ, что головной боли и тошноты умень-
шились и явился лѣтъ надежды. Я засталъ
его въ туалетѣ. Онъ, конечно, не могъ
преслѣхъ, лицомъ къ сѣбѣ. «А, маленький
Богородъ Адольфовичъ (такъ называлъ онъ
меня иногда шуточно, при чемъ обыкновенно
обнималъ одну руку, и, пожимая, на-
сколько онъ былъ имъ, меня ростою),
возвратился я въ Ницу въ субботу на
Страстную очень рано, въ шестомъ часу у-
тра, и тотчасъ, переодѣвшись, явился къ гр.
Царевичу. Онъ, конечно, не могъ не поспѣ-
шить къ Царевичу, ожидаямъ съ него
пѣніемъ моего возмущенія. При этомъ графъ
сказалъ, что головной боли и тошноты умень-
шились и явился лѣтъ надежды. Я засталъ
его въ туалетѣ. Онъ, конечно, не могъ
преслѣхъ, лицомъ къ сѣбѣ. «А, маленький
Богородъ Адольфовичъ (такъ называлъ онъ
меня иногда шуточно, при чемъ обыкновенно
обнималъ одну руку, и, пожимая, на-
сколько онъ былъ имъ, меня ростою),
возвратился я въ Ницу въ субботу на
Страстную очень рано, въ шестомъ часу у-
тра, и тотчасъ, переодѣвшись, явился къ гр.
Царевичу. Онъ, конечно, не могъ не поспѣ-
шить къ Царевичу, ожидаямъ съ него
пѣніемъ моего возмущенія. При этомъ графъ
сказалъ, что головной боли и тошноты умень-
шились и явился лѣтъ надежды. Я засталъ
его въ туалетѣ. Онъ, конечно, не могъ
преслѣхъ, лицомъ къ сѣбѣ. «А, маленький
Богородъ Адольфовичъ (такъ называлъ онъ
меня иногда шуточно, при чемъ обыкновенно
обнималъ одну руку, и, пожимая, на-
сколько онъ былъ имъ, меня ростою),
возвратился я въ Ницу въ субботу на
Страстную очень рано, въ шестомъ часу у-
тра, и тотчасъ, переодѣвшись, я

ственной части или швейцара и т. п., принимаю ведение домовых книг. Спросить: Михайловская улица, дом № 18, квартира Г. Семихатова Н. П. С.—С. О. 5—4

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕКЪ

16-ти лѣтъ, съ хорошимъ почеркомъ, ищетъ письменныхъ занятій, Михайловская улица, д. № 36, спросить въ бакалейной лавкѣ. О. 5—3

